

История Испании

Автор:

[Артуро Перес-Реверте](#)

История Испании

Артуро Перес-Реверте

«История Испании» («Una historia de Espa?а») от писателя и журналиста Артуро Переса-Реверте, автора бестселлеров «Фламандская доска», «Кожа для барабана» и многих других, вышла в свет в 2019 году и немедленно разошлась в Испании гигантским тиражом.

В этой книге автор предлагает свой едкий, забавный, личный и совершенно неортодоксальный взгляд на свою родную страну. Перес-Реверте повествует об основных событиях прошлого Испании – от ее истоков до 80-х годов XX века, – оценивая их подчеркнуто субъективным взглядом, сформированным на основании глубокого знания истории, понимания ее процессов, опыте и здравом смысле. «Я пишу об истории так же, как я пишу романы и статьи, – говорит автор. – Я не искал какого-то особого ракурса, все это результат моих размышлений». Повествование его построено настолько увлекательно и мастерски, так богато яркими деталями, столь явно опирается на профессионально структурированные документальные материалы, что достойно занять почетное место как среди лучших образцов популярной литературы, так и среди работ ученых-историков.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Артуро Перес-Реверте

История Испании

Arturo Perez-Reverte

Una Historia de Espana

© 2019 by Arturo Perez-Reverte

© Е. В. Горбова, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство КОЛИБРИ®

* * *

Так уж повелось от Сотворения мира: если у тебя светлый ум, а ты при этом испанец – суждены тебе великая горечь и малая надежда[1 - Из повести «Чистая кровь» Артуро Перес-Реверте. Перевод А. С. Богдановского.].

Капитан Алатристе

Вместо предисловия

«Этот дух строптивости особенно усилился среди иберийцев, так как это племя соединяет с ним еще природное коварство и неискренность. Ибо от этого образа жизни они приобрели склонность нападать и грабить соседей; отваживаясь только на незначительные предприятия, они не предпринимали ничего значительного потому, что никогда не собирали больших сил и не объединялись в союзы»[2 - Перевод Г. А. Стратановского.] (Страбон).

«Они жестоки с преступниками и врагами, хотя по отношению к чужеземцам проявляют участливость и добропорядочность» (Диодор Сицилийский).

«Испанцы испокон веков отличались дикими нравами по причине своей ничем не ограниченной свободы и отсутствия привычки подчиняться чьим бы то ни было приказам» (Аппиан).

«Не такова Испания – она более предрасположена к войне из-за суровости своей земли и склонностей людей» (Тит Ливий).

«Испания рождает самых стойких солдат; это она породила опытнейших капитанов; это она – родина плодовитых ораторов; она – земля чистоголосых певцов; она – мать судей и князей; она дала империи Траяна, Адриана и Феодосия» (Пакат).

«Это королевство – столь благородное, столь обильное, столь могучее, столь благонравное – было разрознено и загублено раздорами между соотечественниками, теми, кто скрестил клинки, словно им врагов не хватало» (Альфонс X Мудрый).

«Чтоб вассалом быть хорошим, надобен сеньор хороший» («Песнь о моем Сиде»).

«Негоже, сеньор капитан Кортес, чтобы испанские женщины разлучались со своими мужьями, идущими на войну; где полягут мужья – там и мы погибнем, и увидят индейцы: испанцы столь доблестны, что и жены их воевать умеют» (Мария де Эстрада).

«Все, что произошло со времени чудесного открытия Америки, оказалось столь экстраординарным, что эта история может показаться невероятной всякому, кто

лично не принимал в ней участия. Воистину она затмевает все деяния славных наших предков, какими бы геройскими они ни были, и заставляет умолкнуть все рассказы об иных чудесах света» (Бартоломе де лас Касас).

«Лишь испанцы рождаются уже с оружием в руке – готовые вступить в бой» (Франциск I, король Франции).

«Под ударами стихий или судьбы, в нищете обнаруживают они вопреки всему большую смелость, надменность и гордость, нежели в роскоши и благополучии»[3 - Перевод А. С. Богдановского.] (мадам д'Онуа).

«Испанец, решившись на выпад, выполняет его, невзирая ни на что, даже если этот выпад грозит ему гибелью» (Пьер де Брантом).

«Они являют собой образец, что не выглядит исключением, поскольку, будучи обыкновенно роста невысокого, они обладают таким огромным сердцем, такой силой духа, что благодаря единственно своему мужеству они стали хозяевами мира» (Хуан Пабло Мартир Рисо).

«Да увидит Ваше Превосходительство, что нет для меня ничего невозможного, ведь Господь дал мне десять пальцев на руках и сто пятьдесят испанцев» (Алонсо де Контрерас).

«Никогда прежде не приходилось нам сталкиваться с таким солдатом, как солдат испанский. Он не отступает, а стоит как скала, не теряет надежды и сдерживает натиск до тех самых пор, пока ему самому не представится возможность разгромить противника» (один шведский офицер после битвы при Нёрдлингене).

«Здесь живет и процветает тщеславие со своими неразлучными спутниками: уважением к себе и презрением к другим, желанием приказывать и никому не подчиняться, внешним блеском, бахвальством, многословием, выпендичем и пустым, кичливым щегольством. И все это – сверху донизу: от аристократа и до самого последнего плебея» (Бальтасар Грасиан).

«Здесь мое несчастье, а не трусость, лишило меня заслуженных почестей, здесь фортуна вертела мной так и сяк, здесь затмились мои подвиги, и здесь же окончательно закатилась моя звезда, чтобы никогда больше не взойти на небосклоне» (Мигель де Сервантес).

«Испанцы имели явное преимущество по сравнению с другими народами: на их языке говорили в Париже, в Вене, в Милане, в Турине; их моды, их образ мысли и манеру письма подхватили лучшие итальянские умы; начиная с Карла V и до начала царствования Филиппа III Испания вызывала к себе почтение, неведомое другим народам» (Вольтер).

«Испания – единственное в мире место, где два плюс два не равно четырем» (герцог Веллингтон).

«Против меня – весь народ в двенадцать миллионов душ, разъяренных до чрезвычайности» (Иосиф I Наполеон Бонапарт).

«Все испанцы повели себя как один, преисполненный достоинством человек. Я в недостаточной степени обратил на это внимание» (Наполеон Бонапарт).

«Если бы враги Испании были иностранцами, так еще куда б ни шло. Но нет. Все, кто шпагой, пером или словом усугубляет и длит беды нации, все они – испанцы» (Амадей Савойский).

«Человечество в вечном долгу перед испанской монархией, поскольку именно множество научных экспедиций, оплаченных ею, сделало возможным расширение географических знаний» (Александр фон Гумбольдт).

«Тот, кто желает знать, до какой степени можно ослабить и разорить могущественное государство, должен изучить историю Испании» (Томас Маколей).

«В Испании вечно одно и то же: как реакционер – так настоящий, а если либерал, так того и гляди – пустышка» (Пио Бароха).

«Испанцы обречены вечно плестись за священниками – либо со свечой, либо с гарротой» (Агустин де Фокса).

«Как только в Испании возьмется толковать о делах чести, то человека, к чести чувствительного, непременно проймет дрожь» (Мигель де Унамуно).

«Нет во всей всемирной истории деяния, сравнимого с тем, что осуществила Испания» (Рамиро де Маэсту).

«О, Испания жизни моей, / О, моей смерти Испания!» (Мигель Эрнандес).

«Испанцы ни разу не уступили ни пяди своей земли. Никогда не слышал, чтобы кто-то превзошел их в бесстрашии. Они бросают вызов смерти. Чрезвычайно храбры, стойко переносят лишения, но чудовищно недисциплинированы» (Адольф Гитлер).

«И даже опасность войны не стала универсальным клеем. Наоборот, она способствовала только тому, чтобы каждый потянул в свою сторону» (Мануэль Асанья).

«Если бы боевой клич „Вперед, Испания!“ <...> позаимствовали воины с другой стороны, то их шансы на победу бесконечно увеличились бы только вследствие этого простого поступка» (Грегорио Мараньон).

«Испанец, не побывавший в Америке, не знает, что такое Испания» (Федерико Гарсия Лорка).

«Моральный бунт масс наряду с ненавистью к лучшим и нехваткой последних, на мой взгляд, выступили главной причиной нашей национальной катастрофы»[4 - Перевод А. Б. Матвеева.] (Хосе Ортега-и-Гассет).

«Зависть испанца – это не желание иметь такой же автомобиль, как у соседа, а желание, чтобы у соседа автомобиля не было» (Хулио Камба).

«В те времена наша родина оказалась всего в двух шагах от реализации своей законотворческой мечты: чтобы каждый испанец носил у себя в кармане документ с одним-единственным пунктом, сформулированным кратко, ясно и сокрушительно: „Испанец, податель сего, уполномочен делать все, что ему заблагорассудится“» (Анхель Ганивет).

«Испания – страна феноменальная, с замечательной историей творчества, инноваций, непрерывности проекта... Самая понятная страна Европы – только вот люди упорно отказываются ее понимать» (Хулиан Мариас).

«Это непонятное место, где разноплеменные народы смешали воедино свои наречия, свою кровь, свои несбывшиеся мечты. Эти подмости, на которых разыгрывается чудесное и трагическое действие, которые мы называем Испанией»[5 - Перевод А. С. Богдановского.] (Артуро Перес-Реверте).

1. Земля кроликов

Жила-была в стародавние времена прекрасная шкура быка, напоминающая очертаниями Испанию, и звалась она Исхафан, что означает, ну, или означало: «земля кроликов», – клянусь вам, слово обозначало именно это. И была она населена сотней племен, каждое из которых говорило на своем языке и жило на свой манер. Даже хуже: при каждом удобном случае они выпускали друг другу кишки, а в альянсы между собой вступали исключительно с целью расколошматить соседа, который выглядел послабее, но выделялся при этом завидными урожаями и стадами или же мог похвастаться красотой женщин, статью мужчин и роскошью хижин. Будь ты кантабром, астуrom, бастетаном, мастиеном, илергетом, или кто там еще под руку попадет, но если дела у тебя шли неплохо – этого было вполне достаточно, чтобы парочка твоих менее удачливых соседей-племен сбилась гуртом и прошлась по тебе с камнем, бронзой или железом в руке, в зависимости от той доисторической эпохи, что стояла на дворе. Зависть и злоба уже в те далекие времена являлись фирменным знаком данной территории, что нашло свое отражение в самых древних текстах, нас упоминающих. Исхафан, как я уже сказал. Другими словами, оно самое. В общем и целом вся эта банда двуногих животных, довольно резво плодящихся, как было установлено уже сильно позже, может быть разделена на две большие этнические группы: иберы и кельты. Первые были низенькими, смугленькими и более удачливыми по части солнца, полезных ископаемых, сельского хозяйства, пляжей, заморского туризма со стороны финикийцев и греков, а также других представляющих интерес факторов экономики. Кельты же, напротив, были блондинами, отличались большей свирепостью и зачастую бедностью. Данную проблему они решали, совершая набеги на южные территории – в первую очередь, естественно, с целью наладить более тесные связи с иберами. Последние, не будучи такими буйными, как блондины с верхней части Полуострова, имели-таки свой южный пунктик и свои исконные пристрастия (вспомним, например, Даму из Эльче). Иберы, натурально, относились к визитам своих северных соседей с неудовольствием и зачастую отвечали им тем же. Так что в те промежутки времени, которые

оставались у них свободными от реализации внутренних, промеж себя, планов по взаимному уничтожению, иберы и кельты переносили эти занятия вовне, то бишь друг на друга, безо всяких там комплексов и прочих сложностей. Метода эта в немалой степени облегчалась мечом самого что ни на есть местного происхождения по имени фальката. Это было настоящее чудо-оружие, выкованное из железа, – Диодор Сицилийский охарактеризовал его как великолепное, – которое в умелых руках резало, словно опасная бритва. А также, что, собственно, от него и требовалось, предоставляло иберам, кельтам и остальным участникам той честно?й компании все возможности для захватывающей групповой терапии и прекрасных коллективных экспериментов в хирургии – резни по живому и без наркоза. (Глядя в будущее, отметим, что чрезвычайно символично вот что: первая вещь местного производства, перевозимая греками и римлянами, оказалась холодным оружием.) А поскольку в те давние времена Полуостров наш был столь густо покрыт лесами, что белка пробегала по нему из конца в конец, прыгая с ветки на ветку, все эти шумные рейды, выпускания кишок при помощи фалькаты и другие социальные мероприятия могли осуществляться в тенике, что немало способствовало как их успеху, так и соответствующим желаниям. В общем, весьма мотивировало. В любом случае следует признать, что в искусстве протыкать шкуру – свою или же чужую – что иберы, что кельты, а позднее и те кельтиберы, что стали результатом романтических набегов либо с верха бычьей шкуры, либо с ее низа, были настоящими виртуозами. Для них, свирепых и отчаянных до дури, жизнь собственная или чужая в буквальном смысле стоила не больше того, что называется словом на три буквы. По свидетельствам летописцев той эпохи, наши прадеды умирали, убивая сами, когда их громили в бою, и распевая песни, когда их распинали. Кроме того, они осуществляли коллективный суицид, когда загибался вождь их племени или проигрывала их футбольная команда, а их женщины, вступая в разборки, не гнушались оружием. Так что, окажись ты их врагом и попади им в руки, они тебя... Короче, лучше было туда не попадать. А если уж эти ангелоподобные существа обоего пола заливали в себя по несколько литровок каэлии, то бишь пива той эпохи, то тут уж я вообще молчу. Только представьте себе выпивоны на свежем воздухе, что закатывали мои кузены. И кузины. Что же касается религиозных практик, то, естественно, в условиях отсутствия (пока еще) церковных пастырей, что пасли бы их души, запрещая совоупление, презервативы и аборт, отсутствия (пока еще) мобильного телефона, музыкального шоу «Операция „Триумф“»[6 - Телешоу и конкурс, аналог известного российскому телезрителю музыкального шоу «Голос».] и совместного исполнения «спаси и сохрани» с пеной у рта, они поклонялись рекам, горам, лесам, луне и тому подобному. И вот такой предстает пред нами, плюс-минус век, панорама земли кроликов в те времена, когда, лет за восемьсот

до того момента, как Святой Дух, прикинувшись голубем, посетил Деву Марию, некие моряки и купцы, похожие на пиратов до степени смешения и называемые финикийцами, переправились через Средиземное море и высадились на берег. И привезли с собой две вещи, что обретут в Испании далеко не одинаковые популярность и судьбу: деньги (успех большой) и алфавит (меньший). Не кто иной, как те же финикийцы, организовали на рынке недвижимости пузырь, скупив собственность на побережье и опередив тем самым британских пенсионеров и симпатичных русских мафиози, которые отплясывают теперь вместе с птичками[7 - Аллюзия на композицию «Птичкам – танцевать» Гонсало Ферреро из альбома «Песенки с фермы».] в Бенидорме. Но о финикийцах, греках и других подобных им народах мы поговорим в следующей главе. Или нет.

2. Рим нас грабит

Как мы уже упомянули, греки и финикийцы сунули свой нос на берега Гишпании, глянули на обитателей центральной части (если уж мы сегодня выглядим так, как выглядим, то только вообразите, какими были в те допотопные времена жители Вильяилергете-дель-Аревако[8 - Город на северо-востоке полуострова, где до прихода римлян жил иберийский народ илергетов (от реки Ибер к северо-востоку до Пиренеев и к юго-востоку до современной Лериды).] - с этими нашими беретами, посохами, фалькатами и всем прочим) и сказали: «ну уж нет, спасибочки, мы останемся здесь, на пляже, туристами, с шахтами и всякими разными коммерческими предприятиями, а вот то, что в середине, пусть колонизирует моя теща, если у нее яйца есть». И яйца или, по крайней мере, что-то похожее обнаружилось у чуваков, которые, что верно, то верно, приходились финикийцам родственниками - двоюродными братьями. «Айда сюда, получите все на халяву», - сказали им финикийцы, едва сдерживая смех, - родственнички звались карфагенянами, потому что жили буквально в двух шагах, в Карфагене, в нынешнем Тунисе то бишь, ну, или где-то поблизости. Ну и лады. И вот, значит, повалили карфагеняне, да целыми толпами, - города основывать: Ибицу, Картагену и Барселону (последняя была основана Гамилькаром Баркой, известным в качестве автора знаменитого изречения: «Рим нас грабит»). Поначалу, не без этого, случилось несколько стычек с кое-какими кельтиберскими вождями, в частности с Истоласием, Индортом и Орисоном, которые были должным образом разгромлены и распяты; это между делом, потому как там каждый либо действовал сам по себе, либо же вступал в союз с карфагенянами ровно на то время, которое требовалось, чтобы расколошматить

соседнее племя, а потом: «если я тебя и видел, то уж и не вспомню» (сдается мне, что эти слова принадлежат Полибию). Так что пришельцы из Карфагена разрушили несколько городов: Бельчите, который звался Геликой, и Сагунт, который звался точно так же, как и сейчас, и процветал так, что только держись. Закавыка была в том, что Сагунт, бывшая греческая колония, находился в то время в союзе с римлянами: этими индюками, которые как раз в те времена – в III веке до рождения Христова, возьмите себе на заметку – начинали на Средиземноморье строить из себя боевых петухов. Ну и – ясное дело. Завязалась славная заварушка – с войной и всем прочим, что полагается. Но этого было мало, и, чтобы жизнь никому малиной не казалась, случилось вот что: на сцену вышел сын Гамилькара, который звался Ганнибалом и был крив на один глаз, а что касается Рима, то его он видеть не мог и здоровым глазом, то есть даже на фото. Судя по всему, его с раннего детства заставляли смотреть по телику «Камо грядеши?»[9 - Исторический фильм режиссера М. Лероя (1951), который испанское телевидение традиционно показывает во время пасхальных каникул сразу по нескольким каналам.] каждую Святую неделю, ну или что-то в этом роде, а кончилось дело тем, что несчастное дитя поклялось в своей вечной ненависти к римлянам. Так что, сравнив с землей Сагунт, он собрал такую армию, что на нее и смотреть-то страшно было – с нумидийцами, слонами и жестокими катапультами, которые пулялись дисками Маноло Эскобара[10 - Испанский поп-певец и актер, автор около 80 дисков, 35 из которых – золотые.]. Кроме того, выкликнув лозунг: «Встань под знамена Ганнибала – и увидишь мир», он набрал тридцать тысяч кельтиберских наемников, перешел Альпы (это был первый выход за границу испанской рабочей силы высокой квалификации) и пошел гулять по Италии, раздавая тумачи налево и направо. Вишенкой на торте стало то, что благодаря кривизне Ганнибала наши балеарские пращники, всадники и разные другие драчуны, предшественники солдат терций во Фландрии и испанской сборной, приняли участие во всех тех взбучках, которые он задал римлянам прямо у них дома. А некоторое количество таковых набралось: битвы при Тицине, Треббии, на Трасименском озере и – финал кубка – Канны. Самая зрелищная потасовка, где перемололи около пятидесяти тысяч воинов противника – ну, римлянином больше, римлянином меньше. Штука-то была в том, что после этого – нет чтобы отправиться прямиком по Аппиевой дороге до Рима и добить эту историю – Ганнибал со всем своим воинством, в составе которого были и испанцы, остался на месте – предаваться пороку, неге и сладострастию, поддаваться своевольным римлянкам, беспутным привычкам и другим в строку приходящимся грехам. И вот значит, пока гоняли они лодыря в Италии, один вражеский генерал, по имени Сципион, высадился исподтишка на берег Испании, в аккурат во время сиесты, и ударил им в тыл. После чего взял Картагену, в высшей степени осложнив жизнь кривому; и до того Сципион ему

жизнь осложнил, что Ганнибал, вернувшись на север Африки, оказался разбит в сражении при Заме, после которого и покончил с собой, чтобы не попасть во вражьи руки – из чувства стыда истинного тореро. И тем самым избавился от необходимости предстать в выпуске теленовостей вместе с карпетанами, кантабрами и мастиенами, которые раньше, когда он сражения выигрывал, аплодировали ему как сумасшедшие, а теперь толпились в суде – то и другое в высшей степени типичное для кельтиберов поведение, – наперебой обзывая его трусом и ворюгой. Суть же в том, что Карфаген был в хлам разрушен, и Рим принялся натягивать на себя всю Испанию. Не имея, естественно, ни малейшего понятия, во что влезает. Потому как если Галлию Юлий Цезарь, со всем своим неопровержимым позерством в духе Астерикса и Обеликса, завоевал за девять лет, то на Испанию римляне угрохали двести. Прикиньте сами – смех, да и только. А стараний-то сколько! Но это в порядке вещей. Здесь никогда не было отчизны, только отцы-предводители (об этом пишет Плутарх в биографии Сертория). По одному в каждой городке: Индибилис, Мандоний, Вириат. Короче, понятно: такую компанию приходилось отправлять на тот свет по очереди, одного за другим. А на это даже столь организованному народу, как римляне, как-никак время требуется.

3. Rosa, rosae. Говорим по-латински

Итак, речь у нас зашла о Риме. О том, что Сципион, покоритель Карфагена, покончив с этим делом, заявляет своим коллегам-генералам: «Оставляю этот пирог вам» – и возвращается на свою родину-мать. А меж тем, Гишпания, которая пока еще не может считаться Испанией, хотя все к тому потихоньку и идет, превращается, говоря словами уж не помню какого именно историка, в гробницу римлян: целых двести лет на то, чтоб утихомирить этот пейзаж, поскольку племен, занимавшихся междоусобицей, имелось здесь в избытке. Римская система предполагала системный же подход к уязвлению плоти: легионы, побоище, распятие, рабы. Обычное дело. В жизнь его проводили несколько персонажей, называемых преторами, Гальба со товарищи, – циничные и жестокие в стиле кинозлодеев, наподобие шерифа Ноттингема, большие доки по заключению с местными племенами пактов, даже и намеков на исполнение которых не предвиделось. Метода эта действовала медленно, но верно, со своими взлетами и падениями, носящими имена Индибилис, Мандоний и иже с ними. Главным провалом оказался Вириат, задавший такого жару, что Рим был вынужден подкупить его же приближенных, чтобы те его прикончили. Войска

его, действуя с переменным успехом, держали «нумансию», то бишь оборону, в некоем городе, называемом Нуманцией. Город этот сопротивлялся еще десять лет, вплоть до того самого момента, пока в конце концов внук Сципиона его не взял, что сопровождалось страшной кровью, массовым самоубийством защитников города (как утверждают Флор и Орозий, хоть это и кажется некоторым преувеличением) и тому подобными безобразиями. Вириату уподобился еще один деятель, римлянин по имени Серторий, красавец и умница, у которого возникли кое-какие проблемы на родине, и он прикатил сюда, сделался предводителем (в хорошем смысле этого слова) и принялся так досаждал своим бывшим соотечественникам, что они наконец прибегли к своему обычному методу – лояльность не относилась к числу наиболее укорененных местных добродетелей – и подстроили так, чтобы некий бывший наместник его ухайдакал. И вот так, перемежая мятежи убийствами, сменявшимися новыми мятежами, потихоньку-полегоньку продвигалась романизация. Время от времени случались очередные «нумансии», на которые обрушивался каменный дождь, дабы загасить мятежные очаги. Одной из последних стала Калаорра, явившая пример героического сопротивления жителей, – отсюда и пошла старинная поговорка: «Калаорра! а та, что под Рим легла, – сука у забора». Ну и так далее. Хорошей стороной всего этого было ровно то, что рано или поздно, но гражданским войнам кельтиберов промеж собой пришел конец, потому как римляне имели славную привычку обманывать, распинать и порабощать всех противоборствующих без разбора. Однако ж стоило только представиться удобному случаю (например, с той гражданской войной, что притащили с собой Юлий Цезарь и сторонники Помпея), как испанцы немедленно приняли в ней участие. Причем как с той, так и с другой стороны: нельзя же не воспользоваться любым предлогом, чтобы спалить соседу урожай или зажать в углу его законную супругу, если ты спать не можешь из-за того, что у него четверка лошадей получше твоей, имеется абонемент в амфитеатр Мериды или еще какие другие привилегии. В общем, мира как такового не было до тех самых пор, пока Октавиан Август, первый император, не пожаловал лично и не сломил хребет последним непотопляемым кантабрам, баскам и астурам, которые упорствовали в своих требованиях особого статуса, примешивая сюда меховые тулупы и козий сыр, – к Октавию они собирались отправиться с притязаниями на автономию. Факт в том, что именно с тех самых пор римляне стали называть Гишпанию Гишпанией (имя, уже бывшее некоторое время в ходу), разделив ее на пять провинций. Земля эта давала им золото, серебро и знаменитую средиземноморскую триаду: пшеницу, вино и оливковое масло. Появились общественные работы, процветание и совместные предприятия, заполнившие собой тот вакуум, которым – смотри у Плутарха, смышленного парня, – наполнилось до тех пор слово «родина». Люди стали связывать с ним

смысл «быть римлянином»: слова *hispanus sum* (я – испанец) обрели смысл через более общее: *civis romanus sum* (я – римский гражданин). Города, соединенные столь хорошо построенными дорогами, что они существуют по сей день, превратились в центры экономического роста и культуры. Молодые люди, снедаемые жаждой путешествовать или желанием наесться досыта, начали записываться в солдаты Рима, а выходящие в отставку легионеры получали земли и женились на испанках, рожавших испано-римлянчиков с иной ментальностью: это уже были люди, которые умели склонять *rosa, rosae*[11 - Начало парадигмы склонения латинского слова «роза»: роза, розы.] и выучивались на архитекторов, строивших акведуки и всякое такое. Приблизительно в те же времена прибыли к нам и первые христиане; тогда они занимались пока что исключительно своими делами, то есть посещали мессы, а не разжигали социальные страсти по поводу аборт или греховных танцев, не рифмовали конфирмацию с овуляцией и не совершали всего того, за что взялись позже. А о том, что все это шло только на пользу, свидетельствует целая плеяда людей, родившихся на этой земле в те времена: Траян, Адриан, Феодосий, Сенека, Квинтилиан, Колумелла, Лукан, Марциал... Три императора, философ, ритор, всемирно признанный эксперт в сельском хозяйстве, эпический поэт и поэт-сатирик. Среди многих других. Ну а что касается языка, тут уж судите сами. Что латынь двадцать два века спустя – язык мертвый, не совсем точно. Те из нас, кто говорит по-испански, по-галисийски или по-каталански, сами о том не подозревая, продолжают говорить на латыни.

4. Рим катится к черту

В общем, жили мы поживали веке где-то в IV или V после рождения Христова в надутом на рынке недвижимости пузыре, числясь гражданами Римской империи; жили как епископы, но в миру, наслаждаясь мостовыми и акведуками, процветая как дай бог каждому, с квадригой последней модели, припаркованной у дверей, беря деньги под залог, чтобы провести каникулы в термах или прикупить второй *domus* на побережьях Бетики или Тарраконской Гишпании. Гуляй – не хочу. С бумом денария, экспортом вина в амфорах, сельским хозяйством, скотоводством, добычей полезных ископаемых, торговлей и балеринами города Гадес все шло как по маслу. И тут откуда ни возьмись – в том, что касается Истории, все оказывается старо как мир – пришел кризис. Люди бросали деревни и уходили в города, метрополия выкачивала все больше и больше ресурсов из провинций, истощая их, землевладельцы, окопавшись в своих латифундиях, становились все

более амбициозными и алчными, бедные все больше беднели, а богатые – богатели. К тому же не было у бабы хлопот, так купила порося: мы стали христианами, чтоб на Небо попасть. Тут и показали свои первые зубки фанатизм и религиозная нетерпимость, которые нас никогда уже не покинут, и верхи испанского клира начали совать свой нос повсюду, не исключая крупных земельных владений и политики. Ко всему прочему, легионеры-ветераны, завоевавшие весь мир, сильно сдали и, вместо того чтобы укрощать варваров (первоначально варваром называли не дикаря, а иностранца), в чем и заключалась их обязанность, тоже полезли в политику, возводя и низвергая императоров. Тридцать девять их сменилось за полвека; и многие были убиты своими же коллегами. В те времена для защиты границ, ли?меса[12 - Укрепленный рубеж (вал или стена) со сторожевыми башнями, возведенный на границах Римской империи.] по Дунаю, стены Адриана и других подобных им местечек, варварам с той стороны границы было сказано: «Слушай, Улаф, постой-ка здесь на страже со шлемом и копьем, а я пока сгоняю в Рим за табачком». И Улаф встал по эту сторону границы вместе со всей семьей, а когда понял, что он тут один и с копьем в руке, то кликнул своих кумовьев, Сигерика и Одилона, и говорит: «Айда сюда, пацаны, нам тут эти идиоты оставили все на блюдечке с голубой каемочкой». И вот тут уж все они, наточив топоры, и набежали. И произошло то, что потом будет названо нашествием варваров. А внутри Римской империи к тому же имелись и другие иммигранты: тевтоны, парфяне, пикты, нумидийцы, гараманты и прочие чуваки, прибывшие туда или рабами, то есть ни за понюх табаку, или же добровольно, чтобы делать ту работу, которую римлянам, к тому времени уж очень избалованным, делать было лень; а уж в кризис этим несчастным вообще больше ничего не оставалось, кроме как податься в гладиаторы – социального пакета-то у них не было, – а потом восстать, как Спартак, ну или искать еще менее приятный способ себя прокормить. А уж к этим, до кучи, присоединились еще и римляне с пропиской, то есть представители среднего и низшего класса, обедневшие по причине экономического кризиса, разъяренные налогами министров типа Монторуса[13 - Аллюзия на Кристобала Монторо, министра финансов (2011–2018) Испании в правительстве Мариано Рахоя.], сукина сына своего времени, удушаемые латифундистами и запуганные священниками, которые к тому же запрещали прелюбодеяние – последнее утешение бедняка. Так что все они вместе, и с превеликим удовольствием, принялись ставить подножки Римской империи – кто снаружи, а кто изнутри. Только представьте себе политическую элиту того времени – плюс-минус сегодняшняя, управляющая нами, шантрапа – с государством-империей, в хлам разоренной, с коррупцией, краснобайством и праздношатанием, сенаторами типа Анасагасты и депутатами вроде Руфиана, а также разъяренной толпой в ту эпоху, когда в моду еще не вошла

политкорректность и все решалось отрезанием головы. Добавьте к этому привычное «спасайся, кто может!» – и будет совсем легко представить, как оно сразу затрещало по всем швам, завершившись рекомендацией: «Чтоб обуздать неистовство войны – склоните пред законами главу» (которую изрек некий Пруденций[14 - Испанский вариант имени Пруденций (Prudencio) перекликается со словом «осторожность» (prudencia).], человек с подходящим к случаю именем). Набеги варваров приняли серьезный характер в начале V века: не только свевы и вандалы, германцы – белокурые бестии и все в таком духе, но и азиаты – аланы. Эти брюнеты совершили умопомрачительную прогулку (прикиньте, прям от Украины или около того), потому как были наслышаны, что Гишпания – такое Эльдorado, где на каждого жителя приходится по две таверны. А штука в том, что, накатывая волнами одни за другими, эти бестии устраивали страшную бучу, грабя города и храмы, насилая уважаемых матрон, которые еще оставались уважаемыми, а также творя другие виды варварства, то есть именно то, что варварам и свойственно. В результате чего цивилизованная Гишпания, или то, что от нее еще оставалось, превратилась в «оторви да брось». Чтобы остановить варварские племена, собственных сил у Рима уже не было. И желания тоже. Так что для решения данного вопроса Рим нанял временную рабочую силу. Их называли готами. С такими странными именами, как Атаульф и Торисмунд. То есть еще одно племя варваров, хотя и чуть менее варварское.

5. Кинжал гота

Дела обстояли следующим образом: пока Империю, с одной стороны, дербанили варвары, а с другой – она и сама уже сыпалась под грузом собственного декаданса, иными словами, весь цивилизованный мир разваливался на куски, в Гишпании, занятой вестготами, бурно обсуждался чрезвычайной важности вопрос о Святой Троице. И именно с тех самых пор (примерно с V века) начинаются наши первые религиозные разборки, которые таким пышным цветом расцветут на земле, столь щедро плодившей кроликов ранее и остававшейся весьма плодovитой во все времена, но уже скорее по части фанатиков и придурков. Потому как вестготы, призванные римлянами контролировать ситуацию, были арианами. То есть христианами, соvrащенными епископом-еретиком Арием, отрицавшим, что Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух имеют на обшлаге одинаковые нашивки. И это притом что местные жители римского происхождения, истинные католики, послушные Риму, поддерживали версию о

том, что Бог един в трех лицах и не о чем тут рассуждать, потому как ежели вы со мной не согласны – то марш на костер. И так и длилось это перетягивание каната двух Гишпаний: деление на «мы» и «они» и «кто не с нами, тот против нас» – в общем, нечто столь же истинно испанское, как тортилья с картошкой или поставить к стенке на рассвете. А у обеих противоборствующих сторон имелись епископы, большие мастера нашептывать наветы на ухо вестготским королям, которых звали Атаульфами, Теодорихами и другими ужасными именами. И так оно и шло – до тех пор, пока в правление Леовигильда, бывшего, как и его предшественники, арианином, не удалось обратить его сына, Герменегильда, в католичество, с чего и началась наша первая гражданская война, потому как сынок с фанатизмом неопита и наглостью честолюбца против папочки восстал. В общем и целом Леовигильду удалась роль вполне достойного правителя, и даже, сильно поднапрягшись и пуская пузыри, почти получилось вновь унифицировать этот дом терпимости, за исключением, правда, той гористой местности, что была заселена басками. Исторической справедливости ради признаем, что там местная компашка как сидела, так и осталась, окопавшись в своих горах и лесах, погрязши в забавах типа соревнований по поднятию камней и неискоренимой, еще доримской неграмотности. Штука же была в том, что своего сыночка Герменегильда его папаша Леовигильд в конце концов пленил и предал смерти за ту кашу, которую тот заварил; но так как родитель был прозорлив и держал нос по ветру, тему он просек. «Конструкция с арианской элитой и католическим народом под ней работать никак не будет, – подумал он. – С этими-то подданными, что мне достались». Так что, когда пришло ему время собороваться, он призвал своего второго сына, Реккареда (монархия у готов была выборной, но вовремя подсуетились, чтобы сын наследовал отцу), и сказал ему: «Видишь ли, парень, эта страна – земля с очень высокой долей сукиных сынов на квадратный метр, и в крови ее – гражданская война. Так что стань католиком, заручись поддержкой епископов и унифицируй то, что еще не унифицировано. А если не послушаешься – все пойдет к чертям собачьим». Реккаред, паренек смысленный, отрекся от арианства, организовал Толедский собор, поспособствовал тому, чтобы епископы провозгласили священномучеником этого мудилу, его покойного братца, а также исчезновению с лица земли арианских книг – это было первое сожжение книг в нашей так легко воспламеняемой истории. Так католическая церковь вступила в свой долгий и выгодный (для нее) брак с Испанским государством, или чем там оно на тот момент могло считаться; в свой медовый месяц, который, с взлетами и падениями бурных времен, выпавших в последующие столетия, на деле будет длиться до нашего недавнего прошлого (исповедники короля, пакты, конкордаты) и вплоть до дня сегодняшнего, если иметь в виду последствия. Так или иначе, но справедливости ради нужно признать, что когда клирики не

забирались с ногами в политику, они способствовали развитию весьма достойных вещей. Это они заполнили пейзаж монастырями, ставшими центрами развития культуры и оказания социальной помощи, а еще из их рядов вышли персоны высшей категории качества. Как историк Павел Орозий или епископ Исидор Севильский – святой Исидор для друзей – высший авторитет для интеллектуалов своего времени. В своей влиятельной энциклопедии под названием «Этимологии», до сих пор представляющей собой весьма занимательное чтение, он с первоклассной эрудицией резюмировал все то, что его незаурядный талант смог извлечь из-под обломков разоренной империи, выудить из той мглы, особо непроглядной в Гишпании, в которую погрузили Запад нашествия варваров. С тем единственным источником света, что укрылся в монастырях, и влиятельнейшей католической церковью, дергавшей за ниточки посредством своих соборов, амвонов и исповедален, все последовавшие за Реккаредом короли – не то чтоб высоколбые интеллектуалы – погрязли в кровавой борьбе за власть, рассказать о которой было бы под силу только Шекспиру, но его – как и многого другого – у нас в Испании отродясь не было. Из тридцати пяти вестготских королей половина умерла не своей смертью, так что можете представить себе общую картину. И вот так оно и шло – до тех самых пор, пока в 710 году по другую сторону Гибралтарского пролива не раздался клич, который изменил все и навсегда: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет – пророк его».

6. И всыпали нам по полной

В 711 году, как гласят веселые стишки, с удивительной точностью припечатавшие нашу историю: «Пришли к нам сарацины / и всыпали нам по полной, / ведь Бог помогает злым, / когда их больше, чем добрых». При условии, конечно, что испанских вестготов было бы уместно назвать добрыми. А вот здесь еще разобраться нужно. С одной стороны, под лозунгом о священной войне с неверными с севера Африки пожаловали арабские племена, приверженцы ислама, со своим хорошенько разогретым энтузиазмом и в сопровождении обращенных ими в ислам и ими же подталкиваемых берберов. Чтобы понять ситуацию, бросьте возле их земель полоску моря всего-то в пятнадцать километров шириной, а за ней поместите Испанию, Гишпанию, или уж как там вам заблагорассудится ее назвать (мусульмане-то называли ее Испанья, или Спания), – страну типа той, что имеется сегодня, но на вестготский манер. То есть четыре миллиона не расположенных к солидарности, однако весьма

склонных к каинову предательству козлов, каждый из которых – сын своих родителей, и все они – в контрах между собой по самым различным поводам, да еще и под властью убивающих друг друга королей и сующих свой нос в чужие дела, но блюдущих и собственный интерес епископов. Вкупе с непомерными налогами и фискальным грабежом, который пришелся бы по вкусу любому министру финансов с его самыми мерзопакостными наймитами. В общем и целом, сборище чуваков, разобщенных и в высшей степени себе на уме, со всеми недостатками старых испано-римлян из низших социальных слоев, с одной стороны, и надменным вестготским варварством, слишком наглым в злоупотреблении властью типа «своя рука – владыка», – с другой. Прибавьте к этому голод и нищету простого народа, засилье расплодившихся чиновников, личные амбиции мелких князей, а также то обстоятельство, что один из последних королей потерял всякие берега в своем пристрастии к женскому полу – ничто не ново под луной, – и отцы, дяди и братья некоторых из приближенных к престолу женщин испытывали к монарху-сладолюбителю чересчур пламенные чувства. Как врут очевидцы. В общем, семья Витицы с кумовьями закоренилась с мусульманами с другой стороны пролива – с севера Африки, которые тогда по названию места (Мавритания) именовались мавританцами, или маврами: в высшей степени уважаемое имя, которое в ходу по сей день и под которым они будут значиться во всех исторических хрониках, повествующих о данных событиях, – а некоторое их количество имеется – в течение последующих тринадцати веков. Сторонники Витицы совместно с таковыми одного вестготского князя, правившего Сеутой, подложили неслабую свинью очередному королю, некоему Родериху, или Родриго – для самых близких. И в силу наличия одного такого испанского (и ведь повернулся же потом у кого-то язык сморозить, что как испанцы мы не существуем) качества – такого трогательного, что даже слезы на глаза наворачиваются, когда обнаруживаешь в себе его же спустя столько веков, – они предпочли отдать Испанию врагу, и гори оно все синим пламенем, чем отложить в сторону взаимные распри и личные обиды. Так что, пользуясь тем – еще одно трогательное совпадение, – что этот самый Родриго был занят на севере военными разборками с басками, они открыли заднюю дверцу, и некий мусульманский предводитель по имени Тарик переплыл пролив (гора Хебель-Тарик, или Гибралтар, обязана своим именем именно ему) и высадился на берег со своими воинами, довольно потирая руки. Потому как, вынеся за скобки правительство и население, древняя Испанья в мусульманской среде могла похвастаться наилучшей рекламой: плодородная, богатая, с разнообразным климатом, вкусной едой, красивыми женщинами, статными мужчинами и тому подобным. А сверх того еще и дороги – римлянами строенные, просто восхитительные, мостовые, которые проложены из конца в конец через всю страну, что так здорово, по Божьему повелению (никогда оно не

приходилось так к месту), облегчают такие мероприятия, как нашествие. И когда со всей доступной ему скоростью король Родриго вместе со своей армией примчался взглянуть, какого черта здесь творится, так ему тут же намяли бока – и за себя, и за того парня. Случилось это в одном южном местечке, именуемом Ла-Ханда, и именно там покатались ко всем чертям христиано-вестготская Гишпания, католическая вера и мама, что их родила. Потому как эти кретины – Витица, правитель Сеуты, и другие заговорщики – полагали, что после драки мавры благополучно уберутся обратно к себе в Африку. Однако Тарик и другой чувак, по имени Муса, прибывший с ним за компанию с еще большим количеством воинов, в один голос заявили: «А нам здесь нравится, парни. Так что мы остаемся, если вы против ничего не имеете». И правда, против мало что можно было иметь. Тогдашние испанцы, подчиняясь своим природным склонностям, выбрали линию поведения, которой неизменно будут следовать и в будущем: пальцем о палец не ударить, чтобы изменить ситуацию; но в том случае, если кто-то за них ее изменит и это новшество войдет в моду, сразу же записаться в партию большинства. И совершенно без разницы, о чем идет речь: ислам, Наполеон, Восточная площадь[15 - Площадь в Мадриде, расположенная между Королевским дворцом и Государственным театром. Строительство было начато во времена правления Жозефа Бонапарта и по его инициативе (в 1808 г.). Для того чтобы освободить территорию под строительство площади, было снесено несколько кварталов. Эта затея послужила причиной того, что испанцы наградили своего правителя прозвищем Пепе Площадник.], демократия, запрет на курение в барах, запрет называть мавров маврами, или что там еще подвернется. И неизменно – с глупой, без рефлексии, лицемерной, фанатичной и закомплексованной верой неопита. Так что, вполне ожидаемо, после Ла-Ханды обращения в ислам повалили валом, и через несколько месяцев в одно прекрасное утро Гишпания проснулась гораздо более мусульманской страной, чем кто бы то ни было в округе. Случилось ровно то, что и должно было случиться.

7. Балованное дитя Востока

Итак, речь у нас шла о том, что мусульмане, то бишь мавры, за пару лет овладели почти всей вестготской Гишпанией, а также о том, что местное население, встав, как это обычно и бывает в годину бедствия, на сторону победителей, быстренько массово сменило веру – за исключением жителей узкой скалистой полоски Кантабрийского карниза. Все остальные с легкостью

адаптировались к мавританскому стилю жизни – неопровержимое доказательство того, что испанцы до самого гребаного конца были на стороне вестготской администрации и католической церкви. Арабский язык вытеснил латинский, церкви превратились в мечети, молиться стали, обращаясь не к Риму, а к Мекке – для разнообразия, и Гишпания римлян и вестготов превратилась в Аль-Андалус – имя на монетах, отчеканенных уже в 716 году. Сами прикиньте, с какой быстротой все это происходило, если учесть, что всего через сотню лет после завоевания некий Альваро Кордовский уже жалуется на то, что юные мосарабы – христиане, сохранившие веру на занятых мусульманами землях, – пишут уже не по-латински и на вечеринках того времени, ну или что там у них было, возгласы «Зажигаешь, подруга!» произносятся на каком-то мавританском наречии. Весь фокус в том, что с головокружительной скоростью христиан становилось все меньше, а мавров – все больше. В общем, глядя на то, как развивается ситуация, очередной папа выпускает в Риме декреты с осуждением тех гишпанских, или испанских, христиан, что отдают своих дочерей замуж за мусульман. Однако ж дело ясное: занять непреклонную позицию очень легко, когда ты – папа, сидишь в Риме и назначаешь своих сыновей и племянников кардиналами и всякое такое; но вот когда ты живешь в Кордове или Толедо и под боком у тебя дорожным движением управляет, да и налоги собирает, индюк в тюрбане и с ятаганом, взгляд на жизнь у тебя уже несколько иной. И прежде всего потому, что все эти небылицы о толерантной и счастливой, изобилующей поэтами и образованными людьми стране Аль-Андалус, где пили вино, где царила веротерпимость, а дамы обладали большей свободой, чем где бы то ни было, не станет глотать даже тот идиот, что их сочинил. Поскольку всякое случалось. Нормальные люди были, конечно. Но и нетерпимых сукиных детей хватало. Женщины носили чадру, да и охраняли их почти так же, как сегодня. И фанатики были, как и сейчас, ровно такими же фанатиками, вне зависимости от того, крест на них или полумесяц. А вот в чем, естественно, никак не испытывала недостатка тогдашняя мусульманская Испания, так это в размежевании и вечном делении на «мы» и «они». В самом скором времени, можете не сомневаться, завоеватели-арабы и завоеватели-берберы, подхватив заразу из местного воздуха, уже грызлись между собой по поводу распределения земли, богатств, рабов и разных других побрякушек. И вот уже вновь проклевывались первые росточки гражданской войны, той самой беды, что, едва ступишь на испанскую землю, проникает в твою кровь, – а к тому времени некоторое количество гражданских войн уже было у нас за плечами, – когда случилось нечто из ряда вон выходящее. Прямо как в волшебной сказке, к нам с Востока пожаловал один принц-беглец – молодой, красивый, да и шутник к тому же. Звали его Абд ар-Рахман, а что касается его семьи, так ее как следует проредил халиф Дамасский. Прибыв сюда, причем с большой помпой, парень

провозгласил себя чем-то вроде короля – эмиром (был использован именно такой технический термин) – и сделал Аль-Андалус страной, для начала независимой от далекого Дамасского халифата, а потом – и от Багдада. (Раньше-то за все нити дергали именно из этого самого далека, да и налоги стекались не куда-нибудь, а в Багдад.) Молодой эмир оказался, на наше счастье, умным и образованным (время от времени, хотя и нечасто, нам и такое выпадает), и вот он взял да и обновил мусульманскую Испанию – и страна получилась могущественная, процветающая, вся в шоколаде. Создал первый для своего времени эффективный налоговый механизм и вдохнул новую жизнь в так называемые образовательные поездки, посредством которых улемы[16 - Собирает название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама.], толкователи ислама, литераторы, ученые и разные другие мудрецы отправлялись в Дамаск, Каир и прочие города Востока, чтобы, вернувшись, привезти с собой сливки тогдашней культуры. Впоследствии потомки Абд ар-Рахмана, по фамилии Омейяды, перешли из эмиров в халифы и правили до тех пор, пока один из их советников, по имени аль-Мансур, такой хитроумный и храбрый, что только держись, не захватил власть. После чего четверть века подряд давал прикурить христианским королевствам на севере Полуострова (о том, каким образом разрослись они из узкой Кантабрийской полоски, расскажем в другой главе), досажая им военными походами или летними прогулками, то есть набегам, грабежами, рабством и тому подобными штуками (в общем, тот еще банкет получался). Все оно так и шло, пока наконец в битве при Калатаньясоре не случилось с ним одной крупной неприятности: он потерпел поражение и погиб. И в его лице страна лишилась славного малого. Некое представление о его талантах может дать хотя бы такая деталь: именно аль-Мансур завершил строительство мечети в Кордове. И это не слишком-то «по-испански», потому что факт этот просто исключительный: мечеть ведь строили целых двести лет при сменявших друг друга правителях – с учетом сделанного предшественниками, ни на йоту не отступая от прекраснейшего первоначального стиля. В то время как нормой (без разницы, идет речь о маврах или о христианах, ведь все они – прежде всего испанцы) было бы вот что: каждый из правителей разрушает сделанное его предшественником и поручает сваять нечто новенькое архитектору Ахмеду Калатраве[17 - Намек на испано-швейцарского архитектора и скульптора Сантьяго Калатраву, автора многих футуристических (в стиле «биотек») построек в разных странах мира.]. Или кому-либо из ему подобных.

8. Мавры и христиане

В начале существования мусульманской Испании христианские государства севера представляли собой всего лишь сноску в самом низу страницы в истории страны по имени Аль-Андалус. Значимые события происходили на земле мавров, в то время как христианам и одной заботы хватало – выживать, цепляясь за обрывистые склоны астурийских гор, и получалось у них это скорее еле-еле, чем уверенно. Весь этот мифический дух реконкисты, священный огонь испанской нации, вестготско-римское наследие, а также прочие прибаамбасы появились гораздо позже, когда северные государства уже подросли, а их королям и придворным подхалимам пришлось оправдывать и изобретать некую традицию и даже идеологию. Однако действительность была куда более прозаичной. Те христиане, что терпеть не могли мусульман, а было их негусто, бросились в горы и сидели там столько, сколько сил хватало, чисто по-испански, то есть погрязши в неграмотности и дерзновенности на манер Курро Хименеса[18 - Герой телесериала испанского производства (1976–1978), сюжет которого основан на истории андалузских разбойников XIX в., скрывавшихся в горах.] тех времен, при этом очень сильно досаждая равнинным маврам со своих недостижимых утесов. Дон Пелайо, к примеру, был, несомненно, одним из этих бестрепетных бандитов, кому случилось как-то раз в долине под названием Ковадонга перерезать заблудший отряд мавров, сунувшийся туда, куда не следовало, а также удалось ловко приписать свой успех заступничеству Девы Марии, чем он и прославился. И тут же разом в рост пошли как его калибр, так и его земли, а также число подражателей из круга других предводителей, не склонных корешиться с маврами. Сам Пелайо, а он был астурийцем, некий Иньиго Ариста, наваррец, и другие подобные им грубияны (культурные приложения к воскресным газетам они наверняка не слишком жаловали, но вот мечом, палицей и боевым топором владели со стопроцентной эффективностью) образовали, стало быть, зародыш того, что позже выросло в серьезные королевства с несравненно большим весом и протоколом, а кроме того, дали начало династиям, ставшим позже наследственными монархиями. Доказательством же того, что поначалу весь проект реконкисты – наряду со словами «нация» и «родина» – еще не вполне четко оформился, являются альянсы и заигрывания, нередко возникавшие в последующие века между христианами и мусульманами, вместе со смешанными браками и взаимовыгодными интрижками. Вплоть до того, что матери многих королей и эмиров (как с той, так и с другой стороны) были и мусульманками, и христианками – и вовсе не рабынями, а законными женами, выданными замуж в обмен на нужный союз или территориальные приобретения. В конце концов, ровно так, как это водится у цыган, многие из них звали друг друга кузенами, и страшная резня той эпохи совершалась практически в кругу семьи. Так что в начальный период существования христианских государств севера это была

скорее не реконкиста как таковая – война за обратное отвоевание своей земли, – а взаимные набеги на вражескую территорию, кавалерийские наскоки и летние военные экспедиции за трофеем, скотом и рабами (арабская конница в ходе одного такого набега как-то раз разорила Памплону, тем самым поставив крест, думаю я, на праздновании Сан-Фермина[19 - Народный праздник в Памплоне, проводящийся с 6 по 14 июля и знаменитый бегом от 12 разъяренных быков.] в том году). Все это создавало своеобразную межеумочную зону – безлюдную и опасную, простиравшуюся до реки Дуэро, где и зародился один любопытный феномен, очень напоминающий сюжеты фильмов об американских пионерах Дикого Запада: христианские бедняки-колонисты целыми семьями – по принципу «пан или пропал» – селились там и обрабатывали эту землю, своими силами защищаясь от мавров, а порой и от тех же христиан. И так или иначе, но им для более надежной защиты приходилось объединяться, строить укрепленные фермы и монастыри, а также обзаводиться вооруженной милицией. Тем самым это они на свой манер – геройский, жестокий и отчаянный – и положили начало реконкисте, даже не подозревая, что они что-то там обратно отвоевывают. А еще на этой суровой и опасной границе появлялись группы солдат – христиан и мусульман – что-то среднее между разбойниками с большой дороги и наемниками. И брались они служить тому, кто предложит за их услуги лучшую цену, не обращая при этом ни малейшего внимания на религиозную принадлежность заказчика; так что дело порой доходило до того, что мусульманским отрядам случалось решать проблемы христианских королей, но и на службе у мавров попадались отряды христиан. Это была долгая, страстная, кровавая и жестокая эпоха, о которой, будь мы американцами, Джон Форд снял бы чудные киноэпопеи; но эпоха эта, коль скоро мы испанцы, просто-напросто сгинула, погребенная под слоем дешевых стереотипов и позднейшего католико-имперского славословия. Хотя это ни в коей мере не лишает ее интереса и ценности. Приблизительно в то же самое время император Карл Великий, а он был французом, пожелал оттяпать себе жирный кусок Полуострова; однако наваррские партизаны – только представьте себе этих нежных созданий – запихнули ему это странное желание обратно в глотку в Ронсевальском ущелье, вдарив как следует по арьергарду войска лягушатников и насадив его на пику, словно гамбургер. Так что Карлу Великому пришлось утереться и удовольствоваться всего лишь вассальным положением современной Каталонии, известной в те времена под именем Испанской марки. А еще именно в те времена из региона Ла-Риоха начал распространяться тот великолепный язык, на котором сегодня говорят во всем мире пятьсот с хвостиком миллионов человек. И тот факт, что эта местность, колыбель испанского языка, не входит сегодня в Кастилию, – это одна из многих загадок, которыми еще удивит нас такая своеобразная история Испании.

9. Подвижная граница

Итак, речь у нас шла о том, что слово «реконкиста» появилось сильно позже, уже задним числом, и что «патриоисторики», потратившие столько усилий на возвеличивание темы всеиспанского движения, ввалили как сивый мерин. Впрочем, точно так же, как врут некоторые «неоисторики» относительно ультранационализма на периферии, когда речь заходит уже о более поздних эпохах. В интересующие нас времена христианские анклавов севера были озабочены исключительно своим выживанием, пребывая явно не в том настроении, чтобы мечтать о возвращении каких-то там потерянных Испаний. Часть их платила вассальную дань маврам Аль-Андалуса, но все без исключения перебивались, кто как мог, устраивая порой склоки между собой, предавая друг друга и вступая в союзы с противником, вплоть до того, что мусульманские эмиры юга, махнув на все рукой, говорили промеж себя: «будь спок, коллега Мухаммед, коллега Абдулла, не вопрос, предоставим этим свистунам возможность самим спустить друг с друга шкуру» (что, с другой стороны, свидетельствует о том, что в пророчествах эмиры явно были не на высоте). Ясность в делах реконкисты в те времена отсутствовала. К примеру, у первого христианского короля Памплоны, о котором есть кое-какие сведения, у Иньиго Аристы, был кровный брат по имени Муса – предводитель мавров. И они на пару всыпали еще раз Карлу Великому после битвы в Ронсевальском ущелье; тому в его притязаниях на Полуостров всегда страшно не везло – сглазил, наверное, кто-то. Но все дело в том, что вот так, промеж набегов, войн и сделок с самыми различными игроками, включая союзы и договоры с маврами или христианами, в зависимости от целесообразности текущего момента, мало-помалу складывалось королевство Наварра. И росло оно по мере того, как Кордовский халифат и мусульмане переживали в общем и целом – они ведь тоже были испанцами до мозга костей – времена упадка и междоусобицы, поскольку, говоря без обиняков, своя рубашка всегда ближе к телу. А жили они уже при том государственном образовании, что позже будет называться тайфой [20 - Слово taifa арабского происхождения и имеет значение «группировка» или «фракция».] – совокупность небольших государств, каждое из которых, как о том свидетельствует само слово, шло своим собственным мавританским путем. И вот именно так, совместными усилиями колонистов, рисковавших жизнью на ничейной земле, а также путем военных вылазок обеих противоборствующих сторон в целях грабежа, захвата рабов и других финтифлюшек (что касается пограбить, изнасиловать и поработить, то это было общей военной практикой

того времени в любой точке мира, каким бы противоестественным это ныне ни казалось), христианская граница сдвигалась попеременно то вверх, то вниз, но с неизменным общим трендом: вниз, к югу. Санчо III Великий, король Наварры – один из тех, кто накостылял аль-Мансуру, – заключил блестящий брак по расчету с дочерью графа Кастилии, на тот момент – самой завидной невестой, создав королевство, вполне достойное этого названия. Однако после его смерти королевство оказалось разделено между его сыновьями, что служит еще одним доказательством, что сама мысль о том, чтобы собрать воедино Испанию и вышвырнуть из нее все это магометанство, пока еще даже в голову не приходила. Наварру Санчо отдал своему сыну Гарсии, Кастилию – Фернандо, Арагон – Рамиро, а Гонсало достались графства Собрарбе и Рибаторс. Тут уже появляется некоторая ясность: правители Кастилии и Арагона получили титул королей, и начиная с этого момента можно с несколько большей уверенностью говорить о христианских королевствах севера и об исламском королевстве Аль-Андалус на юге. А что касается Каталонии, находившейся в те времена в феодальной зависимости от соседних королей франков, то она принялась расти и расширяться под властью правителей, именуемых графами Барселонскими. Первым, кто получил независимость от францушек, стал граф по имени Вифред и по прозвищу Волосатый, который, кроме своей волосатости, отличался, судя по всему, такой набожностью, что только держись, поскольку понастроил по всему графству великолепнейших монастырей. Некоторые прикормленные историки выставляют сегодня добряка Вифреда первым королем предполагаемой каталонской монархии, но не дайте запудрить себе мозги: королей как таковых в Каталонии никогда не было. Не было совсем. А вот где короли всегда были, так это в Арагоне, и сошлись Арагон и Каталония гораздо позже, о чем мы в свое время и расскажем. Тогда же у каталонцев были графы, довольствуйтесь этим. И точка. Кстати, что касается монастырей – добавим пару любопытных деталей. Во-первых, если на мусульманском юге культура была городской и центрами ее становились города, то на севере, где народ был несколько тугодумен, она развивалась в монастырях, при которых имелись библиотеки и все такое. Второй комментарий такой: в те времена католическая церковь со своими все более обширными сельхозугодьями, приносящими огромные доходы, придумала отличный бизнес, который сегодня мы назвали бы трюком, или мошенничеством, «отсутствующего монаха»: если летний набег мавров оставлял после себя землю выжженной, а соответствующий монастырь разграбленным, то монахи его покидали. До тех самых пор, пока туда не приходили колонисты, искавшие на границе счастья, и не начинали эти земли обрабатывать, тем самым существенно повышая их стоимость. И вот когда земельная собственность уже вновь цвела и пахла, монахи заявляли на нее права и прибирали все к своим рукам – за здорово живешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Из повести «Чистая кровь» Артуро Перес-Реверте. Перевод А. С. Богдановского.

2

Перевод Г. А. Стратановского.

3

Перевод А. С. Богдановского.

4

Перевод А. Б. Матвеева.

5

Перевод А. С. Богдановского.

6

Телешоу и конкурс, аналог известного российскому телезрителю музыкального шоу «Голос».

7

Аллюзия на композицию «Птичкам – танцевать» Гонсало Ферреро из альбома «Песенки с фермы».

8

Город на северо-востоке полуострова, где до прихода римлян жил иберийский народ илергетов (от реки Ибер к северо-востоку до Пиренеев и к юго-востоку до современной Лериды).

9

Исторический фильм режиссера М. Лероя (1951), который испанское телевидение традиционно показывает во время пасхальных каникул сразу по нескольким каналам.

10

Испанский поп-певец и актер, автор около 80 дисков, 35 из которых – золотые.

11

Начало парадигмы склонения латинского слова «роза»: роза, розы.

12

Укрепленный рубеж (вал или стена) со сторожевыми башнями, возведенный на границах Римской империи.

13

Аллюзия на Кристобала Монторо, министра финансов (2011–2018) Испании в правительстве Мариано Рахоя.

14

Испанский вариант имени Пруденций (Prudencio) перекликается со словом «осторожность» (prudencia).

15

Площадь в Мадриде, расположенная между Королевским дворцом и Государственным театром. Строительство было начато во времена правления Жозефа Бонапарта и по его инициативе (в 1808 г.). Для того чтобы освободить территорию под строительство площади, было снесено несколько кварталов. Эта затея послужила причиной того, что испанцы наградили своего правителя прозвищем Пепе Площадник.

16

Собирательное название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама.

17

Намек на испано-швейцарского архитектора и скульптора Сантьяго Калатраву, автора многих футуристических (в стиле «биотек») построек в разных странах мира.

18

Герой телесериала испанского производства (1976–1978), сюжет которого основан на истории андалузских разбойников XIX в., скрывавшихся в горах.

19

Народный праздник в Памплоне, проводящийся с 6 по 14 июля и знаменитый бегом от 12 разъяренных быков.

20

Слово taifa арабского происхождения и имеет значение «группировка» или «фракция».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/arturo-peres-reverte/istoriya-ispanii>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)